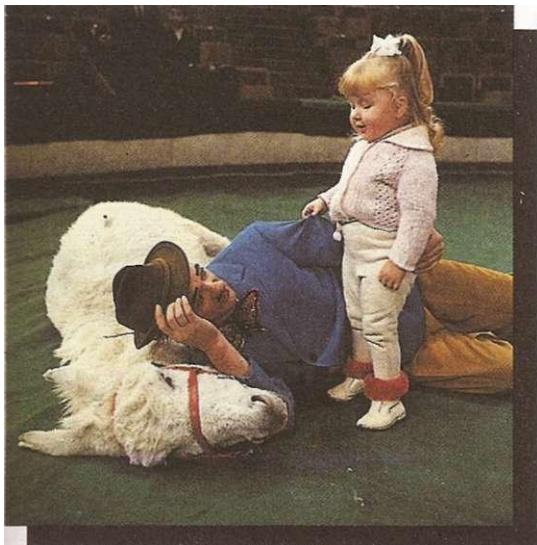

КОНСТАНТИН БЕРМАН

О Константине Бермане с большим основанием, чем о ком-либо другом, можно сказать, что он родился в цирке. Будущий клоун появился на свет в 1914 году не в родильном доме, не «на конюшне», «не в опилках», а еще более необычно... в кассе Харьковского цирка.

Мать его, Наталия Петровна Алексеева, учительница по профессии, полюбила дирижера цирковых оркестров и, выйдя замуж, вынуждена была переквалифицироваться в кассиршу, чтобы ездить вместе с мужем из цирка в цирк. В кассе и раздался

первый плач новорожденного сына.

Мальчик рос в цирке, пропадая в нем целыми днями, жадно впитывая все, что творилось вокруг, пробуя повторить то, что делали старшие. Рядом с Костей почти всегда находился его брат Коля, который был старше всего лишь на год. Они еще не умели читать, но уже принимали участие в репетициях, которые шли в Харьковском цирке. А вскоре братья Берман вышли на манеж сначала в комической сценке детской борьбы, затем как жонглеры, как акробаты - эксцентрики.

Костя рос очень плохо. В 13 лет оставался маленьким и худеньким. Учитывая это, ему придумали забавный выход на манеж. Его выносили... в чемодане. Он появлялся из чемодана и проделывал акробатические трюки, да так ловко, что зрители диву давались.

Но однажды Костя влезть в чемодан не смог. Не влез он и на следующий день, хотя старался есть поменьше. Юноша начал неожиданно быстро расти, и эксцентрический номер братьев Берман перестал существовать. Зато родился, благодаря этому обстоятельству, замечательный коверный клоун, который умел делать абсолютно все.

Стал замечательным клоуном-пародистом и его брат — Николай Берман. Только жизнь его на манеже была очень короткой

— он погиб в первые дни Великой Отечественной войны, сражаясь в рядах Народного ополчения...

А Константин Берман создал свою клоунскую маску и свой стиль работы. Как пародист и прыгун, как изумительный комический исполнитель в воздушном полете, он, пожалуй, не имел себе равных.

Свой оригинальный облик он нашел не сразу. В поисках собственной маски, собственного образа Берман прошел, как и большинство комиков того времени, через подражание Чарли Чаплину, Гарольду Ллойду, Пату. Во второй половине 30-х годов он, наконец, создал неповторимый образ любопытного, озорного, немного хвастливого, но тем не менее обаятельного молодого человека, который хочет всех покорить и очаровать.

И он действительно покорял, восхищал и очаровывал.

Дугообразные черные брови, круглый мясистый курносый нос, остренькие черные усыки, сочные алые губы и искрящиеся весельем и хитростью круглые глаза. Одет Костя был всегда щеголевато: пиджак ярких тонов, узкие брючки, белые штиблеты с черными носами и задниками. На голове — коричневая шляпа типа котелка, а на шее вместо галстука, словно живая, сидела большая бутафорская бабочка с блестящими крылышками и черными усиками.

И вот этот франт появляется на балконе, где размещается цирковой оркестр, на высоте пяти-шести метров над ареной. Глубоко довольный своим неотразимым видом, он восторженно приветствует музыкантов, восторженно здоровается с ними. И вдруг, словно засмотревшись, шагает в пустоту зала. Публика вскрикивает. Клоун летит вниз, но в метре от манежа делает кульбит и спокойно встает на ноги.

Этот знаменитый бермановский прыжок являлся своеобразной увертюрой к его выступлениям. Не менее ошеломляющим был и его прыжок через два автомобиля.

Основой творчества Бермана стала пародия. Он пародировал почти все номера, которые были в программе. Он так и рвался вмешаться во все происходившее на манеже. А вмешавшись, увлекался и «пробовал свои силы» в разных жанрах.

После выступления жонглера Берман брал в руки самые неподходящие предметы,

вначале ронял их, затем «на ходу» постигал тайны жонглирования. Увидев балансеров, пытался забраться на свободно стоящую лестницу. Вначале падал, затем лихо скакал по манежу, стоя на ней. После прыгунов он прыгал, после иллюзиониста — показывал фокусы, после дрессировщика — демонстрировал послушную собачку.

Он был жокеем, турнистом, он танцевал на проволоке, работал на кольцах, а акробатом был с детства. Он мог присоединиться к любому номеру. При этом он так торопился ошеломить, поразить зрителя, что попадал в самые неожиданные ситуации, вызывающие смех. И не только смех: зрители восхищались отвагой и ловкостью комедийного героя.

Когда в октябре 1941 года Москва начала спешно эвакуироваться, Константина Берману предложили поехать работать в глубокий тыл, в Ереван. Но ковернин попросился в обратную сторону, то есть поближе к фронту.

Стоило ему подняться на два поставленных рядом грузовика, как солдаты кричали:

— Собаку — Гитлера!

Выбегала собака и начинала сердито лаять на собравшихся вокруг солдат.

— Как зовут вашу собаку? — спрашивал у Бермана конферансье.

— Пока никак. Хочу назвать ее «Гитлер», — отвечал клоун.

— Что же вас останавливает?

— Боюсь, собака обидится...

Как нужна была эта немудреная реприза на фронте, каким дружным хохотом встречали ее солдаты!

И после войны всегда находил коверный объект для высмеивания. Его сатирические репризы, как и требовало то время, были направлены против разгильдяйства, зазнайства, головотяпства.

В репризе «Мыльный пузырь» клоун изображал спесивого, самовлюбленного начальника. Вот Костя (так обычно называли Бермана в цирке) получает известие, что его назначают директором клоунской группы — походка и осанка становятся важными, приобретают чрезмерную значительность. Не успел освоиться с новой для себя ролью, как узнает, что его переводят на должность директора цирка. Фигура коверного растет и раздувается. А тут другая весть: отныне он

директор всех цирков. Новоиспеченный руководитель перестает узнавать товарищей, грубит подчиненным. Он катастрофически распухает от важности и уже никого не хочет замечать. В конце концов оказывается, что все это выдумано, и клоун «лопается» как мыльный пузырь.

Берман не любил репетировать, как он выражался, «лишний раз повторять». Однако, если увлекался новой репризой или клоунадой, мог репетировать и днем, и вечером, и ночью.

Опыт работы Константина Бермана, многогранно одаренного клоуна, в 40-е годы использовали Борис Вяткин и Эдуард Седра, а в 50-е годы — Олег Попов. Вспоминая уроки мастера, Олег Попов пишет: «...я горжусь тем, что участвовал в свое время с Константином Берманом в одной из цирковых программ Московского цирка. Тогда он был для меня не только партнером в работе. Берман часами учил меня, давал советы, направлял, старался не заставить собой начинающего артиста, а поставить впереди себя, дать мне дорогу».